

88. Burke E. Reflections on the Revolution in France... — P. 96.
 89. Ibid. — P. 13.
 90. Ibid. — P. 96, 41. Как известно, в существовавшем «заговоре» писателей-атеистов против церкви и государства Берк усматривал важную причину Великой французской революции. — См.: Чудинов А. В. Берк и его оппоненты. — С. 232—233.
 91. Burke E. Reflections on the Revolution in France... — P. 10.
 92. Ibid. — P. 362.
 93. The Gentleman's Magazine. — 1790. — November. — P. 1032.
 94. The Monthly Review. — 1790. — Vol. 3. — P. 465.
 95. The London Chronicle. — 23 November, 1790.
 96. The Gentleman's Magazine. — 1790. — December. — P. 1123.
 97. Brown Ph. Op. cit. — P. 41.
 98. The London Chronicle. — 6 November, 1790.
 99. For the London Chronicle — 13 November 1790.
 100. The London Chronicle. — 19—21 April 1791; The Gentleman's Magazine. — 1791. — April. — P. 389—390.
 101. Ibid; The London Chronicle. — 26—28 April 1791.
 102. Veitch G. Op. cit. — P. 158.
 103. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 178.
 104. The London Chronicle. — 3—5 November 1791; The London Chronicle. — 4—6 November 1792.
 105. The London Chronicle. — 14—16 July 1791.
 106. Veitch G. Op. cit. — P. 228.
 107. The London Chronicle. — 2—4 August 1791.
 108. The Gentleman's Magazine. — 1792. — June. — P. 550.
 109. The History and Proceedings of the Lords and Commons, during the Second Session of the XVIIIth Parliament of Great Britain. — L., 1792. — P. 374—375.
 110. The Gentleman's Magazine. — 1790. — November. — P. 1109.
 111. Godechot J. Op. cit. — P. 74.
 112. Пейн Т. Избранные сочинения. — М., 1959. — С. 226.
 113. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 51.

А. Ф. ЦВИРКУН, Н. Н. КРЕСТОВСКАЯ

ПОЛИТИКА США НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ ПРЕССЫ (нач. XX в.)

Дальневосточное направление американской экспансии наряду с южноамериканским являлось важнейшим для империализма США. Следует подчеркнуть, что Китай, Корея и дальневосточные владения России являлись, пожалуй, единственным регионом, где непосредственно сталкивались интересы России и Соединенных Штатов.

Экспансия США на Дальнем Востоке началась еще в 40-х гг. XIX в. Но это были отдельные попытки, а не целенаправленная политика. По военным показателям в тот момент США не могли соперничать с ведущими европейскими державами. Кроме того, некоторые круги американской буржуазии тогда еще не были заинтересованы в колониальной экспансии, т. к. в США существовал достаточно емкий внутренний рынок. К концу XIX в. США превратились в мощную промышленную державу и, подавив национально-освободительное движение тамиллов, обеспечили за собой плацдарм на Филиппинском архипелаге.

Рост экспансии США на Дальнем Востоке в непосредственной близости от границ империи, в регионе, который Россия традиционно рассматривала как сферу своих интересов, не мог не волновать русских политических обозревателей. Внимание прессы было сосредоточено на нескольких ключевых моментах дальневосточной политики США: причины экспансии США на Дальнем Востоке, причины ухудшения русско-американских отношений, позиция США в годы русско-японской войны. Данная статья посвящена анализу позиций ведущих периодических изданий России по этим проблемам.

В русской периодике начала XX в. традиционно выделяют следующие идейно-политические направления: консервативное, либеральное и революционно-демократическое, пред-

ставленные соответственно следующими изданиями: а) консервативное направление (газета «Новое время», журналы «Наблюдатель» и «Русский вестник»); б) либеральное (газета «Русское слово», журналы «Русская мысль», «Вестник Европы», «Нива», «Московский еженедельник», «Русское богатство»); в) демократическое (журналы «Жизнь» и «Мир божий», «Современный мир»).

Как же оценивали причины дальневосточной экспансии США разнонаправленные газеты и журналы России?

«Мир божий» поначалу полагал, что попытки США экономически завоевать Азию имели своей причиной неспособность Америки завоевать экономически Европу. «Сначала она (Америка) пробовала завладеть Европой, но европейские рынки защищены хорошо от такого нашествия... Очевидно, такая тактика Европы и заставляет американскую промышленность искать для своего распространения других мест» (1). Такая поверхностная и односторонняя трактовка не выявляла глубинных экономических и социальных причин, толкнувших США в борьбу за раздел Китая. И в целом, эта версия пагубна, потому, что в конце XIX — начале XX в. Соединенные Штаты всерьез и не помышляли о завоевании европейских рынков.

В годы первой российской революции журнал резко повернул влево. С приходом в «Современный мир» радикально настроенного К. Л. Вейдемюллера, занявшего должность редактора международного отдела, журнал стал трактовать вопросы внешней политики с позиций, близких к марксизму. В частности, выясняя подлинные причины американской экспансии на Дальнем Востоке, К. Л. Вейдемюллер писал: «Среди хищнических колонизаторов особое место занимают американцы. Само собой разумеется, что источником внешней политики Северо-Американских Соединенных Штатов не может быть что либо иное, чем то, что побуждает к активности другие государства. Корысть и здесь приводит к империализму и к колониальной политике» (2).

На протяжении XIX в. либеральная пресса России оценивала как внутреннюю, так и внешнюю политику США в целом благожелательно. Весьма откровенный переход США на сторону Японии в годы русско-японской войны привел к охлаждению дружеских чувств русских либералов. На примере «Нивы» и «Московского еженедельника» можно легко в этом убедиться. Вот как оценивала причины американского экспансионизма «Нива»: «Они (американцы) уже не мо-

гут довольствоваться тем, что владеют, не могут успокоиться на обладании тихоокеанского побережья: необходимость сбыта колоссально развившейся промышленности стихийно гонит их к дальнейшим экономическим и политическим захватам и внушает неодолимое желание стать полными хозяевами всего Тихого океана. На пути к достижению этой цели они шесть лет назад захватили Кубу и Гавайские острова, еще через два года урвали часть острова Самоа, затем с помощью водевильной революции, произведенной долларами, завладели Панамским перешейком...» (3). С автором «Нивы» полностью соглашался политический обозреватель журнала «Московский еженедельник» князь Г. Трубецкой, прозорливо отмечавший, что «лозунг «Америка для американцев» является уже недостаточным. Одной Америки мало для американцев. Их производство давно переросло требования внутреннего рынка, оно породило промышленный империализм, виды и требования которого распространились гораздо дальше родного континента. Новым фактам экономической порядка соответствует зарождение новых политических запросов» (4).

Консервативная печать не имела единой точки зрения по вопросу о причинах, толкнувших Соединенные Штаты на завоевание дальневосточных рынков. «Русский вестник» опубликовал два небызынтересных исследования международных отношений на Дальнем Востоке, принадлежавших перу В. Теплова. Автор, проявив широкую эрудицию при анализе международных отношений на Дальнем Востоке, все же не смог разобраться до конца в причинах роста экспансионизма Соединенных Штатов. В. Теплов видел причины в принятии конгрессом в 1897 г. тарифа Дингли, установившего очень высокие ввозные пошлины, благодаря чему тресты в сравнительно короткий срок подняли цены на все товары от 25 до 150%. «Опасаясь, что в отместку за закрытие для нее американского рынка, — пишет В. Теплов, — Европа примет подобные же меры по отношению к американским товарам, американцы направили все свое внимание на Тихий океан и на прилегающий к нему богатейший мировой рынок — Дальний Восток» (5).

Флагман консервативной журналистики — газета «Новое время» — претерпел в своем отношении к политике Соединенных Штатов значительную эволюцию. Если в конце XIX в. газета всячески декларировала свои дружеские чувства к США, то к 1903 г. «Новое время» заняло резко антиамери-

канскую позицию, с которой не сходила практически до конца своего существования. Эволюция газеты шла параллельно с постепенным отходом Америки от традиций дружбы с Россией и переходом в лагерь ее врагов. Внутренняя и внешняя политика США стали газетой регулярно подвергаться критике, начиная именно с 1903 г., когда Америка открыто поддержала Японию в назревавшем столкновении.

Как и большинство русских изданий, «Новое время» как причину роста экспансионизма США указывает рост экономического и торгового могущества Америки. «Политика Соединенных Штатов, — писала газета, — является полным отречением от доктрины Монро, которая видимо уже перестала удовлетворять наиболее пылких представителей американского империализма. Америка становится для них тесна и они обращают взоры на свой Запад — на восточное побережье азиатского материка» (6). Со свойственным ей размахом газета пересмотрела все устоявшиеся в русском обществе взгляды на внешнюю политику США, как политику мирную, не агрессивную. «Новое время» припомнило американцам все — и уничтожение индейцев, и агрессивную политику в Латинской Америке вообще и войну с Мексикой, в частности, и Испанию, и Кубу с поправкой Платта, и безжалостную политику умиротворения на Филиппинских островах (7). С 1903 г. в среде русской журналистики у Америки не было большего врага, чем газета «Новое время».

На рубеже XX в. расстановка сил на Дальнем Востоке радикальным образом изменилась. Значительную роль в этом сыграла политика России, в первую очередь, оккупация русской армией Маньчжурии. В этом шаге царского правительства как западноевропейские державы, так и Соединенные Штаты увидели угрозу своим захватническим планам в отношении Китая. Следует согласиться с точкой зрения П. П. Севостьянова, что стремление США вытеснить Россию из Маньчжурии в развернувшейся борьбе заставило их полностью солидаризироваться с Англией и Японией и примкнуть к англо-японской группировке, выступавшей против влияния России на Дальнем Востоке (8).

В результате обстановка на Дальнем Востоке характеризовалась, прежде всего, резким обострением русско-японских, русско-американских и русско-английских противоречий, что привело в конечном итоге к русско-японской войне. Как известно, в подготовке и в развязывании этой войны значительную роль сыграли Соединенные Штаты Америки.

После ввода русских войск в Маньчжурию (1901 г.) проблема дальневосточной политики России и международных отношений в Китае и Корее постепенно становится одной из ведущих на страницах русской прессы. Но это не означает, что до 1901 г. русские газеты и журналы не уделяли внимания политике США в Китае и Корее. Наиболее компетентные издания не раз привлекали внимание своих читателей к маневрам американской дипломатии на Дальнем Востоке, однако до 1903 года, как уже отмечалось, эти публикации носили в целом дружеский, в отношении США, характер.

Еще в 1898 г. газета «Новое время» обратила внимание на то, что англо-американский союз, если бы таковой состоялся, оказался бы направленным против интересов России на Дальнем Востоке. Обеспокоенная этим газета пыталась доказать (вероятно, прежде всего, американцам), что интересы их страны лежат совершенно в ином регионе земного шара. «Но мы решительно не понимаем, — писала газета, — какое настроение, какой расчет могли бы побудить американских правителей, республиканцев и демократов, не то что расстроить вековые добрые и союзные отношения, установившиеся между Россией и Соединенными Штатами, но и допустить, чтоб на эти отношения пала хотя бы малейшая тень. Даже при самых лучших условиях торговля в Корее и Маньчжурии не даст Соединенным Штатам и сотой доли тех выгод, какие доставляет им Аляска, которую мы продали им за ничтожную сумму» (9). Как можно легко убедиться, «Новое время» намеренно сильно преуменьшило возможности Кореи и Маньчжурии как рынка сбыта и источников сырья.

Однако несмотря на отдельные тревожные нотки, проскальзывавшие в русской прессе, обстановка на Дальнем Востоке в конце XIX в. оценивалась ею в целом как благоприятная для России. Все изменилось с обострением маньчжурского вопроса. И с 1903 г. русские журналисты занялись поисками причин ухудшения русско-американских отношений. Русская пресса писала по этому вопросу много и возвращалась к нему и позже, даже в 1910 г.

Несмотря на то, что причины ухудшения русско-американских отношений, казалось бы, лежали на поверхности, не все русские издания были единодушны в оценке этого факта. Правда, таких изданий, которые не строили себе иллюзий по поводу положения дел в Китае и Корее, было большинство. Они ясно и четко видели причины, способствовав-

шие ухудшению положения России на Дальнем Востоке. Об этом писали «Русский вестник», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Нива», «Русское слово». Однако трактовка этого факта была различной в разных изданиях. Большинство печатных органов, в основном либерального направления, откровенно признавали, что охлаждению русско-американских отношений послужила агрессивная политика России и Маньчжурии и как следствие этого — вытеснение американских конкурентов из этой провинции Китая. Журнал «Нива» прямо указывал: «оказывается, вражда к России обуюла наших бывших «заатлантических друзей» по мотивам чисто меркантильного свойства: их торговые обороты в Маньчжурии, принявшие большие размеры... стали быстро падать под влиянием сокращения спроса на хлопчатобумажные изделия, и органы печати, служащие интересам, этой весьма влиятельной отрасли промышленности явились первыми проповедниками неприязни к русским» (10).

Однако не все русские издания были столь категоричны. Интересно в этом плане проанализировать статьи в «Вестнике Европы». Журнал признал тот факт, что именно политика России в Маньчжурии вызывает крайнее неудовольствие у американского правительства, но какие именно проявления этой политики раздражают США, журналисты понять не могли. Л. З. Слонимский с наивной уверенностью убеждал читателей, что политика России в Маньчжурии вполне миролюбива и ни в коей мере не ущемляет права других держав в этой провинции Китая. Присутствие же русских войск на этой территории он пытается объяснить следующими факторами: «Маньчжурия была занята нами по необходимости, под давлением событий, которых мы не предвидели или не сумели предвидеть; а раз вступив в китайскую провинцию, мы естественно не могли выбраться из нее, пока не устроили в ней прочного порядка и пока не обеспечили безопасности наших железнодорожных сооружений; устроив же порядок... мы опять таки не решились рисковать всеми плодами наших усилий и поневоле медлили передачей занятой области китайцам, пока не добились от них некоторых гарантий относительно будущего. В этом логическом сцеплении обстоятельство трудно было усмотреть следы коварного завоевательного замысла» (11). В этой поразительной по цинизму сентенции как в зеркале отразился двойной стандарт в оценке международных отношений, столь свойственный русской либеральной журналистике. Даже в январе 1904 г.,

когда война была уже на пороге, Л. З. Слонимский с упорством, достойным лучшего применения, отстаивал свой тезис о миролюбии России. «Русская дипломатия осталась прежней; цели и приемы ее не могли сделаться другими, чем они были раньше; известное всему свету миролюбие России не имело повода уступить место воинственным порывам» (12).

Русский официоз «Новое время» демонстративно отказывался от поиска рациональных причин ухудшения русско-американских отношений. С точки зрения газеты это не может быть Маньчжурия, т. к. Россия на эту китайскую территорию имеет законные права. «Мы заняли Маньчжурию в результате войны, вызванной не нами, а американцами и западноевропейскими купцами и миссионерами. Эта земля, орошенная нашей кровью; она поглотила сотни миллионов денег, снесенных нами в государственную казну, а стало быть всякие посторонние притязания мы не можем считать иначе, как злым умыслом, тем более оскорбительным, если он исходит из Северо-Американских Штатов» (13).

Совпадения позиций либерального органа с позицией реакционного только кажущиеся. Если Л. З. Слонимский искренне заблуждался и выдавал желаемое за действительное, то «Новое время» продолжало свою старую линию оправдания колониальных захватов, которую отстаивал во время испано-американской войны К. А. Скальковский.

Если Маньчжурия, по мнению «Вестника Европы» и «Нового времени», только повод, то в чем же они видели причину ухудшения русско-американских отношений? Она кроется во внутренних порядках России. Вот как представлялось дело Л. З. Слонимскому. «Раздражение против России вызывается в Соединенных Штатах не столько оккупацией Маньчжурии, сколько посторонними обстоятельствами... В американских газетах ведется деятельная антирусская агитация под влиянием того предположения, что в России совершается, будто бы всякие беззакония и насилия с ведома и согласия властей, и это предположение выдается за факт, не подлежащий никакому сомнению... Быть может, эта агитация имеет лишь временные и случайные причины, но тем не менее она восстановила против нас общественное мнение Соединенных Штатов» (14). В таком же духе высказались некоторые другие издания.

Что же имели в виду американские журналисты, когда писали о внутренних порядках России? Ответ формулирует П. А. Тверской в одной из своих корреспонденций из Аме-

рики, опубликованной в «Русской мысли». «Раздражение против России перед войной у нас несомненно существовало. Его породили еврейские погромы, особенно кишиневский, участие в них русских властей до сих пор не опровергнуто. Такие ужасы способны потрясти кого угодно, охладить самые искренние симпатии» (15).

Воспользовавшись заявлением американской печати о творимых в России беззакониях в отношении евреев, русские реакционные издания, начали антисемитскую кампанию. «При всем том озлоблении, — писал В. Теплов, — с которым американцы бросают в Россию всевозможные обвинения, они умалчивают о главной причине столь резко выраженных симпатий к японцам, заключающейся в влиянии еврейства, захватившего в свои руки почти всю американскую прессу, указаниями которой привыкли руководствоваться американцы» (16).

В. Теплову вторит и «Новое время»: «Агитация против России ведется в Америке главным образом евреями, засилившимися в американской печати» (17).

Открывшаяся 27 июля 1905 г. Портсмутская мирная конференция привлекла пристально внимание мировой общественности. Как известно, по настоянию японской делегации переговоры проходили при закрытых дверях. Однако собравшиеся в Портсмуте 120 журналистов не без помощи российской делегации во главе с С. Ю. Витте имели достаточно точную информацию о ходе переговоров.

Переговоры в Портсмуте широко обсуждались и на страницах русских газет и журналов. В центре внимания обозревателей, что вполне естественно, находились позиции российской и японской стороны, личность главы делегации России С. Ю. Витте. Вместе с тем не последнее место занимали и сюжеты, связанные с посреднической миссией американского президента Т. Рузвельта.

Т. Рузвельт еще в 1904 г. стремился обеспечить американской дипломатии ведущую роль в урегулировании дальневосточного конфликта. Именно этой цели были подчинены его неоднократные консультации с главами государств и правительств, дипломатами Японии, России, Германии, Англии (18). О предполагаемой миссии Т. Рузвельта российская общественность узнала сравнительно поздно. 20 марта 1905 года газета «Новое время» со ссылкой на каблогранму «Чикаго Трибьюн» сообщила о возможности посредничества

американского президента в решении русско-японского конфликта.

Для российских журналистов не была тайной прояпонская позиция США, обусловленная экономическими интересами заатлантического государства, причем в данном случае совпадали оценки как либеральных, так и консервативных изданий (19). Печать России горячо дебатировала причины предложения и принятия Россией добрых услуг Т. Рузвельта. Официозное «Новое время» приложило массу усилий для того, чтобы доказать, что посредничество Т. Рузвельта — блеф. «В самом деле, или обе стороны созрели для заключения мира, или нет. В первом случае медиация является излишней. В тот момент, когда Россия признает себя окончательно разбитой, она, конечно, не затруднится непосредственно сообщить противнику свои предложения. Во втором случае медиация может иметь практическое значение только тогда, когда посредник собирается поддержать свой проект силой оружия, вступив в борьбу с тем из воюющих, который этого проекта не примет. Так как Соединенные Штаты воевать не обнаруживают не малейшего намерения, то, следовательно, и с этой точки зрения их медиация является лишь одним из формалистических приемов, так надоевших нам в истории европейской дипломатии» (20).

Трудно предположить, что искушенные в международных делах журналисты солидной газеты не были знакомы с практикой посредничества и добрых услуг. Данное заявление было рассчитано на несведущего читателя, которого тем самым ненавязчиво подталкивали к выводу о неизбежности и необходимости продолжения войны.

Патриотический угар, столь свойственный публикациям «Нового времени» периода русско-японской войны, однако не помешал политическим обозревателям газеты верно вскрыть причины возникновения посреднической миссии Т. Рузвельта. Газета справедливо отмечает опасения американцев в том, что возможности японцев продолжать войну исчерпаны и вследствие этого США могут потерять те выгоды, которые давала им победа Японии. Но в подтверждение этого газета приводит совершенно фантастический факт о якобы огромных запасах золота в Маньчжурии, открытых русским инженером, лицензия на разработку которых была куплена таинственным американским миллиардером (21).

Отвергал необходимость как мирных переговоров, так и посредничества Т. Рузвельта и консервативный «Русский

вестник». Анализируя причины принятия предложения Т. Рузвельта, политический обозреватель «Русского вестника» В. Теплов утверждал, что главную роль здесь сыграло временное замешательство правительства России после гибели флота в Корейском проливе. «Психологический момент для подобных речей был бесспорно выбран мастерски, так как Россия, подавленная ужасом только что происшедшей Цусимской гекатомбы, пребывала в состоянии полнейшей растерянности, столь благоприятной для внушения самой себе мысли, что все уже погибло и впереди нет ничего, кроме беспросветного мрака» (22).

Вопрос о причинах посредничества Рузвельта волновал и либеральную прессу. С точки зрения обозревателей либеральных изданий экономическая подоплека американского посредничества играла второстепенную роль. Причины предложения добрых услуг в дальневосточном конфликте коренились, по их мнению, в геополитических интересах США и личности американского президента.

Показательным в этом отношении являлся очерк профессора государственного права Московского университета, выдающегося ученого-обществоведа М. М. Ковалевского «Портсмут». «Но почему спрашивается, — задавал себе вопрос автор, — почин предложения о мирных переговорах вышел из США? Такой вопрос после минутного размышления, может показаться несколько наивным, и если мы поставили его, то только потому, что взоры нашей дипломатии обращены были одно время в сторону других держав, имеющих несравненно меньше соприкосновения с вопросами тихоокеанской политики, нежели могущественная федерация. В этом обстоятельстве и лежит ближайшая причина того, что переговоры о мире, призванном изменить распределение сфер влияния на Восточном океане, могли завязаться не в Париже и Гааге, а в Америке» (23).

Что касается собственно личности президента Т. Рузвельта, то отношение к нему у авторов либеральных изданий было неоднозначным. В отличие от выступавшей сомкнутым строем консервативной периодики либеральная пресса продемонстрировала весь спектр взглядов на Т. Рузвельта: от безудержного восхваления до крайнего критицизма.

Так, «Русское слово» обращало особое внимание читателей на миролюбивый характер Рузвельта, на его искреннее стремление к прекращению кровопролития. «На мирной конференции в Портсмуте он сыграл мировую роль. То что бы-

ло не по силам коронованным особам в Европе, то смело и энергично было поставлено и с успехом проведено избранником заатлантической республики. В памяти двух враждующих народов — России и Японии образ президента Рузвельта будет окружен светлым ореолом мира» (24).

В отличие от столь неумеренных восторгов другие либеральные издания, такие как «Нива» и «Русская мысль» отнеслись к политике Соединенных Штатов более сдержанно и считали, что Рузвельт далек от образа миротворца, нарисованного «Русским словом». «Несомненно Америка, — писал В. Гольцев, — хлопочет не столько во имя отвлеченной идеи мира, сколько о своих собственных интересах» (25). А «Нива» считала, что мирная миссия Рузвельта «не свободна от корыстных расчетов воспользоваться временной расслабленностью России для закрепления и торжества американских интересов на Тихом океане» (26).

После русско-японской войны на страницах печати довольно часто появлялись статьи, посвященные борьбе за железнодорожные концессии на Дальнем Востоке и в Китае. В советской историографии проблема маньчжурских железных дорог изучена достаточно полно (см. например: Григорцевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг. — Томск, 1965; Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. — М., 1961), однако резонанс, который имело это событие в русском общественном мнении, практически не привлекал внимание исследователей.

По условиям Портсмутского мирного договора южная часть Маньчжурии отошла к Японии, северная — к России. Соответственно были разделены и железные дороги этой китайской провинции. Россия отныне не являлась для США серьезным конкурентом на Дальнем Востоке и все силы Америки были сосредоточены на борьбе с Японией. В связи с этим госсекретарь США Ф. Нокс выступил с предложением выкупить железные дороги Маньчжурии у России и Японии и передать их под управление международного синдиката, а также запретить всем странам перевозить по этим дорогам войска и военное снаряжение. Таким образом, американцы пытались воспрепятствовать дальнейшей экспансии Японии как в Маньчжурию, так и в Китае в целом. «Основной тенденцией американского предложения, — писал журнал «Русская мысль», — безусловно было стремление парализовать японскую работу на юге Маньчжурии, вообще ос-

лабить положение японцев на материке и создать своего рода коалицию противоположных Японии интересов со включением в нее и Китая и России: нечто подобное международному соглашению, организованному против России после восстания «боксеров», когда выяснилось наше движение в Маньчжурию» (27).

Предложение Ф. Нокса было встречено российской периодикой с интересом и, как и следовало предполагать, оценка его была весьма неоднозначной. Мнения разделились четко. Либеральная пресса категорически выступила за немедленное принятие предложений госсекретаря США. Аргументы либеральной прессы состояли в следующем: 1) Продажа железных дорог позволяла России отказаться от дорогостоящей авантюристической политики на Дальнем Востоке, не теряя лица; 2) Россия приобретает политические преимущества, оставив Японию лицом к лицу с Англией и США и тем самым обеспечив безопасность Приамурья; 3) Борьба вокруг маньчжурских железных дорог являлась удобным предлогом для правящих кругов России для активизации политики на Дальнем Востоке, что было чревато новой войной. Продажа железных дорог, таким образом, способствовала бы стабильности в этом регионе.

Что касается реакционной прессы, то от «Нового времени» не приходилось ожидать ничего, кроме категорического требования отказаться от предложений США (28). Вот как в своей корреспонденции оценивал П. А. Тверской выступление «Нового времени». «Тон передовиц «Нового времени» относительно предложений Нокса, сначала неопределенный, после его отклонения сделался также вызывающе резким, даже неприлично грубым, каким он был относительно Японии в течение периода, предшествовавшего русско-японской войне. Газета эта считалась здесь не только официозом, но и глашатаем, влияющих непосредственно на власть общественных течений, и ее систематическое и свирепое америкофобство существенно вредит многим русским интересам по сю сторону океана» (29). В одном только не прав П. А. Тверской — позиция «Нового времени» в отношении предложений Ф. Нокса не претерпела никакой эволюции. Изначально газета относилась к нейтрализации железных дорог крайне отрицательно.

Отказ от предложений Ф. Нокса «Новое время» аргументировало следующим образом: 1) Великий Сибирский путь России необходим. Уступить его в распоряжение междуна-

родного синдиката значило бы разорвать созданную бесконечными усилиями связь России с ее тихоокеанской окраиной; 2) Предложение Нокса вносилось с единственной целью попытаться поссорить между собой три державы: Китай, Японию и Россию. Поэтому Россия должна действовать согласованно с Японией.

Очевидно, что сравнительно с точкой зрения либеральной прессы, аргументация «Нового времени» не выдерживает критики. Во-первых, на Великий Сибирский путь международный синдикат не претендовал. Во-вторых, по тому отрезку Сибирского пути, который проходил по территории северной Маньчжурии, Россия и впредь могла перевозить грузы, если они не носили военного характера.

Однако, справедливости ради, необходимо отметить, что в одном вопросе позиция «Нового времени» была, с нашей точки зрения, верной. Согласившись на нейтрализацию маньчжурских железных дорог, Россия оставляла без защиты Владивосток и весь Приморский край, поскольку КВЖД была единственной коммуникацией, связывающей Россию с этим регионом. Таким образом становится очевидным, что речь в этой полемике шла не просто о предложении американского госсекретаря, речь шла о дальнейших путях колониальной политики России. Вопрос стоял так: нужна ли России активная политика на Дальнем Востоке или нет? Очевидно, что либеральная пресса призвала не ввязываться больше в авантюры типа маньчжурской из боязни новых как внешних, так и внутренних потрясаний. В то же время «Новое время» служило рупором влиятельных кругов России, требовавших активной колониальной политики.

Когда министерство иностранных дел России во главе с А. П. Извольским отвергло предложение Ф. Нокса, возмущению либералов не было предела. «Дело наше проиграно бесповоротно, — писало «Русское слово». Г. Извольский оттолкнул протянутую руку великой заатлантической республики и сошел с векового традиционного пути русской политики, лучшие руководители которой, со времен вооруженного нейтралитета Екатерины II, видели в американской дружбе один из устоев международного положения России» (30).

Столкновение мнений на страницах русской прессы по проблемам дальневосточной политики США отражало борьбу тенденций в обществе вокруг колониальной политики России. Анализируя прессу различных политических направ-

лений, авторы статьи выявили определенные закономерности.

Демократическая пресса выступала против агрессивной политики американского правительства на Дальнем Востоке. Печать этого направления протестовала против раздела Китая, колониальной политики и совершенно верно оценивала причины, толкнувшие США на завоевание Дальнего Востока, как вступление заатлантической республики в борьбу за раздел мира. С точки зрения таких же антиимпериалистических и антиколониальных позиций демократическая печать оценивала и российскую политику в этом регионе земного шара. Более того, в условиях явной и тайной цензуры, существовавшей в России, критика колониализма чужой, далекой страны зачастую служила «эзоповым» языком для напоминания обществу о неполадках во внешней политике собственного государства.

Реакционная пресса в период мирного развития русско-американских отношений (приблизительно до 1902—1903 гг.) старалась дружески указать США, что имея такой рынок, как Латинская Америка, зачем претендовать на сферу русского влияния в Китае. Стараясь обезопасить себя от конкурентов, реакционные круги России и послушная им пресса намекали на желательность союза с Соединенными Штатами. Однако, когда эти попытки потерпели крах и США стали на путь разрыва добрососедских отношений с Россией, тон правой печати изменился. От дружеских излияний правая пресса постепенно перешла к раздуванию антиамериканской истерии и требованию всеми силами защищать позиции России в Маньчжурии. Для достижения своей цели правая пресса не гнушалась, как мы видели, ложью и подтасовкой фактов. Таким образом, правая пресса последовательно и до конца выражала интересы влиятельных кругов русского общества, которые отдавали предпочтение дальневосточному направлению колониальной экспансии России.

Изученные материалы убедительно свидетельствуют, что по ряду вопросов внешней политики США и международных отношений на Дальнем Востоке позиции буржуазных либералов и правых смыкались. На наш взгляд, это было не случайным совпадением. Российская журналистика, даже либеральная, не в силах была отказаться от великодержавных замашек и представлений о мессианской роли России в мире. Конечно, свои экспансионистские устремления либеральная журналистика выявляла не так грубо и прямолинейно,

как реакционная. Претензии России на мировое господство маскировались прославленными журналистами тонко и умело.

Справедливости ради необходимо отметить, что такое единодушие либеральной и реакционной прессы продолжалось только до русско-японской войны. Как мы убедились, либеральная пресса резко отмежевалась от реакционной и в вопросе о посредничестве Рузвельта, и в вопросе о нейтрализации маньчжурских железных дорог. Либеральная пресса выступила с категорическим требованием положить предел разного рода внешнеполитическим авантюрам. На наш взгляд, причины этого сводились к следующему.

Оглушительный провал внешней политики царизма в 1904—1905 годах вызвал законное негодование во всех слоях русского общества, за исключением крайне правых, на что либеральная пресса не могла не отреагировать соответствующим образом. Полевение буржуазно-либеральной прессы во многом вызывалось революционными событиями 1905—1907 гг., в частности, смягчением цензуры. Необходимо учесть тот факт, что экономические интересы буржуазии лежали на Ближнем Востоке, а интересы экспортеров сельскохозяйственной продукции — в Европе. Кроме того некоторую роль в этом повороте сыграла Франция, к союзу с которой стремилась русская буржуазия. Интересы франко-русского союза требовали сосредоточения сил России поблизости от германской и австровенгерской границ, что было бы невозможно, если Россия окончательно увязла бы на Дальнем Востоке. Весь этот комплекс причин и вынудил русскую буржуазно-либеральную прессу, сначала робко, а потом все настойчивее и настойчивее требовать от царского правительства отказа от активной политики на Дальнем Востоке.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мир Божий. — 1904. — № 11. — С. 97.
2. Современный мир. — 1911. — № 11. — С. 259.
3. Нива. — 1904. — № 23. — С. 458.
4. Московский еженедельник. — 1907. — № 43. — С. 45—46.
5. Русский вестник. — 1904. — № 1. — С. 440.
6. Новое время. — 1902. — 18 апр.
7. Там же. — 1903. — 1 мая.
8. Севостьянов П. П. Политика США на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX века // Американский экспансионизм. Новое время. — М., 1985. — С. 316.
9. Новое время. — 1898. — 11 ноября.

10. Нива. — 1904. — № 23. — С. 459.
  11. Вестник Европы. — 1903. — № 6. — С. 765.
  12. Там же. — 1904. — № 1. — С. 259.
  13. Новое время. — 1903. — 1 мая.
  14. Вестник Европы. — 1904. — № 1. — С. 819.
  15. Русская мысль. — 1910. — № 8. — С. 714.
  16. Русский вестник. — 1904. — № 10. — С. 319.
  17. Новое время. — 1904. — 13 февр.
  18. Кутаков Л. Н. Россия и Япония. — М., 1988. — С. 240—241.
  19. Новое время. — 1904. — 24 апр.; Русское слово. — 1905. — 21 янв.
- и др.
20. Новое время. — 1905. — 20 марта.
  21. Там же.
  22. Русский вестник. — 1905. — № 8. — С. 749.
  23. Вестник Европы. — 1908. — № 6. — С. 360.
  24. Русское слово. — 1905. — 18 авг.
  25. Русская мысль. — 1905. — № 1. — С. 187.
  26. Нива. — 1905. — № 32. — С. 636.
  27. Русская мысль. — 1910. — № 3. — С. 182.
  28. Новое время. — 1910. — 23 апр.
  29. Русская мысль. — 1910. — С. 205. — № 6.
  30. Русское слово. — 1910. — 10 янв.

Л. А. САЙГАКОВА

УКРАИНСКО-ИЗРАИЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ

Одним из приоритетных направлений внешней политики современного украинского государства среди прочих является Ближний Восток. Суверенная Украина стремится к развитию дружественных отношений со всеми странами региона. Укрепление связей с Государством Израиль отвечает государственным интересам Украины в этом районе земного шара.

В истории взаимоотношений стран можно выделить два периода, в корне отличающихся по своему содержанию, политической направленности. Первый относится к деятельности УССР, осуществляемой ею в рамках общесоюзной.

Основу концепции советской внешней политики после окончания второй мировой войны составляла идея о преобладающем вражеском окружении, что, с точки зрения правящих советских структур, представляло значительную угрозу стране. Поэтому внешнюю безопасность на данном этапе нужно было обеспечить не столько военными, сколько политическими средствами. Исходя из этого, сталинская политика предусматривала «создание широкой буферной зоны по периметру территории Советского Союза через установление в ней прямого контроля СССР над режимами тех стран, которые входили в пояс безопасности» (1).

В конце 40-х годов в целях политической экспансии в регионе Ближнего Востока Советский Союз подключается к поискам путей решения так называемой палестинской проблемы, суть которой составляло стремление мирового еврейства обрести свою родину на земле предков. Острота вопроса заключалась в том, что преобладающее в Палестине арабское население и окружающие страну арабские государства были категорически против появления в регионе еврейского государства.

После передачи Англией, контролирующей данную тер-